

3. Шак, Х. Международное гражданское процессуальное право : учебник / Х. Шак; пер. с нем. Е. В. Гречишников. – М. : БЕК, 2001. – 560 с.
4. О некоторых вопросах рассмотрения хозяйственными судами дел с участием иностранных лиц : постановление Пленума Высш. Хоз. Суда Респ. Беларусь, 31 окт. 2011 г., № 21 // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. – 2011. – № 130. – 6/1092.
5. Рожкова, М. А. Договорное право: соглашения о подсудности, международной подсудности, примирительной процедуре, арбитражное (третейское) и мировое соглашения / М. А. Рожкова, Н. Г. Елисеев, О. Ю. Скворцов ; под общ. ред. М. А. Рожковой. – М : Статут, 2008. – 525 с.
6. Гафаров, С. Э. Доктрина «неудобного суда» и манипуляции с подсудностью по гражданским делам с участием иностранных лиц / С. Э. Гафаров // Вестник Воронежского государственного университета: Серия «Право». – 2011. – № 1. – С. 183–193.
7. Принципы трансграничного гражданского процесса = ALI/UNIDROIT Principles of Transnational Civil Procedure / пер. с англ. Е. А. Виноградова, М. А. Филатова. – Науч. изд. – М. : Инфотропик Медиа, 2011. – 240 с.

УДК 343.852

Савчук Татьяна Анатольевна

Академия управления при Президенте Республики Беларусь

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ПРАВОВЫХ НОРМ О ЛИЧНОМ ПОРУЧИТЕЛЬСТВЕ В КОНТЕКСТЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРАВ И ЗАКОННЫХ ИНТЕРЕСОВ УЧАСТНИКОВ УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА

Одной из мер пресечения, известной Уголовно-процессуальному кодексу Республики Беларусь (далее – УПК), является личное поручительство, исторические корни которого мы находим в еще древнерусский период. Поруки были почти единственной мерой пресечения уклонения обвиняемого от следствия и суда, в том числе при совершении самых тяжких преступлений, возникли как «чисто народное учреждение до появления первых зачатков государственной власти ...», их

появление было обусловлено общественным строем и практикой прежде, чем они начали встречаться в памятниках законодательства» [1, с. 164–165]. Поручительство как мера пресечения существовала в различные исторические эпохи, лишь видоизменяя свое название: «поруки», «поручительство», «отдача на поруки», «поручительство общественной организации или трудового коллектива», «личное поручительство».

Однако, несмотря на историческую преемственность, эта мера пресечения не подвергается значительному исследованию в белорусской юриспруденции и не находит достаточной поддержки у правоприменителя. По данным Следственного комитета Республики Беларусь, в целом по республике в 2016 г. личное поручительство избиралось в отношении 721 чел. (1,5 %), в 2015 г. – к 674 чел. (1,4 %), в 2014 г. – к 833 чел. (1,7 %). Довольно редкое использование этой меры пресечения прежде всего обусловлено «привычкой» применять либо подписку о невыезде и надлежащем поведении, либо заключение под стражу. Кроме того, действующая нормативная трактовка личного поручительства имеет определенные недостатки, требующие исследования и разрешения с целью устранения дефектов уголовно-процессуальных норм о личном поручительстве и активизации этой меры пресечения на практике.

Принятие решения об избрании личного поручительства обусловлено рядом процессуальных условий, одним из которых является наличие не менее двух заслуживающих доверия поручителей (ч. 1 ст. 121 УПК).

Отметим, что законодатель не раскрывает формулировку «заслуживающие доверия лица», что, на наш взгляд, представляется важным, поскольку решение об избрании и дальнейшем соблюдении подозреваемым, обвиняемым (далее – обвиняемый) личного поручительства напрямую зависит от сведений о личности поручителей, которые должны быть отражены в процессуальном документе, закрепляющем такое решение, и приобщены к уголовному делу. В данном контексте уместно исходить из значения понятия «доверие», под которым понимается «уверенность в чьей-либо добросовестности, искренности, в правильности чего-нибудь и основанное на этом отношении к кому-нибудь» [2, с. 59]. Исследование мнений ученых о характеристиках потенциального поручителя и наполнении понятия «заслуживающее доверия лицо», приводит к выводу, что им может быть совершеннолетний дееспособный гражданин республики, обладающий

высокими моральными качествами, имеющий репутацию в обществе, пользующийся авторитетом у обвиняемого и способный оказывать на него положительное влияние, осуществлять за ним контроль, обеспечивать его надлежащее поведение и явку по вызовам.

Одним из условий применения личного поручительства является инициатива поручителей, которая облекается в письменную форму: по законодательству Республики Беларусь, России, Кыргызской Республики, Таджикистана, Туркменистана – в ходатайство, Украины – в обязательство, Молдовы – в просьбу. При этом белорусская следственная практика идет по пути принятия коллективных ходатайств от поручителей, что положительно оценивается и авторами комментария к УПК Республики Беларусь [3, с. 319].

Между тем, исходя из названия названной меры пресечения и ее сущности, в основе которой лежит личное обязательство конкретного физического лица, обладающего определенными правами и обязанностями, ходатайство может быть только индивидуальным и исходить от каждого поручителя, где он формулирует свою личную, а не коллективную просьбу. Учитывая, что инициатива в избрании личного поручительства (равно как и другой меры пресечения) принадлежит должностному лицу, ведущему производство по уголовному делу, указание в законе на ходатайство поручителей является некорректным. В связи с этим полагаем, что ст. 121 УПК должна содержать правило о получении согласия лица быть поручителем в виде подписки о принятии на себя обязанностей по обеспечению надлежащего поведения обвиняемого в период этой меры пресечения.

Недостатком законодательной конструкции ст. 121 УПК является отсутствие нормы, закрепляющей право поручителя отказаться от принятых на себя обязательств.

В данном контексте прогрессивными являются положения Уголовно-процессуального кодекса Казахстана, допускающие отказ поручителя в любой момент производства по уголовному делу и обязанность органа, ведущего уголовный процесс, в течение 48 часов с момента отказа рассмотреть вопрос об избрании обвиняемому иной меры пресечения. По законодательству Узбекистана отказ поручителя принимается только до появления оснований, влекущих его ответственность, и при условии, что он не будет ссылаться на отсутствие возможности контролировать поведение обвиняемого (кроме случаев, когда докажет действие непреодолимой силы). А законодательство

Азербайджана, Молдовы и Туркменистана определяют не только право поручителя на отказ от поручительства, но и устанавливают случаи, когда он не имеет возможности отвечать за дальнейшее поведение обвиняемого (например, переезд поручителя в другую местность; изменение характера взаимоотношений между поручителем и обвиняемым). Такой подход целесообразен, ведь при возникновении объективных причин поручители могут не иметь возможности обеспечить явку и надлежащее поведение обвиняемого, а значит, отпадает существенное условие применения личного поручительства – добровольное согласие лица быть поручителем. В связи с изложенным в ст. 121 УПК необходимо предусмотреть отказ поручителей от принятых на себя обязательств и установить перечень обстоятельств, влекущих такой отказ. При этом отказ должен выражаться путем заявления поручителем ходатайства, а не путем подачи письменного заявления, как на это указывают авторы комментария к УПК [3, с. 320], ведь по смыслу п. 10 ст. 6 УПК заявление предполагает обращение заявителя за защитой своих прав.

Личное поручительство избирается с согласия обвиняемого, однако нормативное закрепление формы и порядка его получения отсутствует. В связи с этим одни авторы полагают, что такое согласие должно оформляться в виде отдельного письменного документа [3, с. 319], другие считают приемлемым как письменную, так и устную форму [4, с. 215]. Белорусские правоприменители считают, что это согласие может быть оформлено либо отдельным документом, либо в виде записи на ходатайстве поручителей [5, с. 15], последний вариант, на наш взгляд, является юридически некорректным. Считаем, что согласие обвиняемого может содержаться в постановлении о применении личного поручительства, что облегчит работу следователя и отвечает принципу процессуальной экономии. Поэтому ст. 121 УПК должна быть дополнена нормой соответствующего содержания.

Одним из вопросов, определяющих практику применения личного поручительства, является сфера его действия. Например, О. И. Цоколова считает допустимым избрание личного поручительства за преступления небольшой и средней тяжести [6, с. 1444]. Как показывает практика, зачастую эта мера избирается к ранее судимым лицам, совершившим тяжкие преступления, в том числе в период отбывания наказания с отсрочкой исполнения приговора [7, с. 185]. В связи с этим оправданной представляется позиция Следственного комитета Республики Беларусь:

не применять эту меру пресечения к лицам, совершившим тяжкие и особо тяжкие преступления; ранее привлекавшимся к уголовной ответственности за совершение умышленных преступлений и имеющим непогашенную и неснятую судимость; страдающим хроническим алкоголизмом и наркоманией; совершившим преступления путем обмана и злоупотребления доверием [5, с. 16], ведь вряд ли названная категория лиц будет выполнять условия личного поручительства.

Представляется, что высказанные нами предложения могут стать импульсом в оптимизации правовых норм о личном поручительстве, что будет способствовать соблюдению прав и законных интересов поручителей и обвиняемых, облегчит процедуру принятия решения о данной мере пресечения и расширит диапазон ее использования.

Библиографический список

1. Ратникова, Н. Д. Развитие мер пресечения, применяемых к обвиняемым в совершении преступлений в древнерусском государстве / Н. Д. Ратникова // Территория науки. – 2013. – № 6. – С. 164–168.
2. Мустафаев, Н. М.-А. Личное поручительство как мера уголовно-процессуального пресечения / Н. М.-А. Мустафаев // Вестник Южно-Уральского гос. ун-та. – 2007. – № 18. – С. 59–60.
3. Научно-практический комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Республики Беларусь / Н. И. Андрейчик [и др.] ; под науч. ред. М. А. Шостака ; УО «Акад. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь». – Минск : Акад. МВД, 2014. – 1230 с.
4. Смирнов, А. В. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Туркменистана: постатейный / А. В. Смирнов, К. Б. Калиновский ; под общ. ред. А. В. Смирнова. – Ашхабад, 2012. – 656 с.
5. Методические рекомендации по порядку применения мер пресечения в виде личного поручительства, отдачи несовершеннолетнего под присмотр, залога, домашнего ареста, 5 нояб. 2012 г., № 2/4727 / Отд. метод. обеспечения предварительного расследования Следственного комитета Респ. Беларусь. – Минск, 2012. – 37 с.
6. Цоколова, О. И. Устав уголовного судопроизводства 1864 г. и современные проблемы мер уголовно-процессуального принуждения / О. И. Цоколова // Актуальные проблемы российского права. – 2014. – № 7. – С. 1440–1445.

7. Обзор практики применения мер пресечения в виде личного поручительства, залога и домашнего ареста // Информ. бюлл. Прокуратуры Респ. Беларусь. – № 34. – Минск, 2006. – С. 175–186.

УДК 343.1

Самарин Вадим Игоревич

Белорусский государственный университет

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ НОРМ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПРАВА ПОСРЕДСТВОМ ГАРМОНИЗАЦИИ КАК ОСНОВА ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА

С развитием мобильных технологий, ростом передвижения граждан, созданием интеграционных экономических образований и в целом глобализацией общественных отношений закономерно наблюдается сближение правовых систем. На первый взгляд, интеграция в экономической сфере не должна затрагивать уголовно-правовую составляющую правовой системы. Более того государства традиционно воздерживаются от вмешательства в сферу уголовного наказания и уголовного процесса в рамках интеграционных образований. Препятствием для сближения уголовного закона в целом и уголовно-процессуального в частности является тот факт, что уголовное право все еще рассматривается как основа национального суверенитета и тем самым упорно защищаются национальные интересы. Попытки сближения в рассматриваемой сфере связываются большинством государств с потерей суверенных прав. Политическому процессу сближения уголовно-правовой процедуры не хватает также научного фундамента, с помощью которого можно было бы вести разъяснительную работу [1, с. 4].

При анализе сближения уголовно-процессуального законодательства в литературе (прежде всего англо- и немецкоязычной) можно встретить разнообразные термины: гармонизация (*harmonisation, Harmonisierung*), унификация (*unification, Vereinheitlichung*), конвергенция (*convergence, Konvergenz*), кодификация (*codification, Kodifizierung*). Авторы не всегда делают разграничение между этими терминами. Так, указывается, что гармонизация уголовного права и